

Михайлова Елена Николаевна, Колтунова Светлана Викторовна

[ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ В ГРАММАТИКЕ КРИСТОБАЛЯ ДЕ ВИЛЬЯЛОНА \(1558\)](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/12/67.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2010. № 12 (43). С. 222-224. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/12/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Текст представляет собой сложное иерархическое образование, где информация может иметь различную степень эксплицитности. В своей работе «Текст как объект лингвистического исследования» И. Р. Гальперин выделяет три вида информации: содержательно-фактуальный, содержательно-концептуальный и содержательно-подтекстовый. Фактуальная информация текста - это описание фактов, событий, места действия и времени протекания этого действия, рассуждения автора, движение сюжета и пр. Концептуальная информация - это выражение мировоззрения автора, основной мысли, идеи произведения. Этот вид информации раскрывает замысел писателя, рисует картину мира такой, какой он ее себе представляет. Разграничение фактуальной и концептуальной информации основано на признаке эксплицитности - имплицитности: фактуальная информация «всегда выражена вербально», но «...читатели... могут по-разному понимать концептуальную, т.е. основную, но скрытую информацию». Подтекстовая информация так же, как и концептуальная, не выражена словами, она только подразумевается. Эта информация возникает благодаря способности слов, словосочетаний, предложений в отдельных небольших отрезках текста таить в себе скрытый смысл [3]. Правильность интерпретации эксплицитной и имплицитной информации текста обуславливается пресуппозициями коммуникантов и совпадением их фоновых знаний. Именно процессы кодирования и декодирования различной информации в тексте представляет сейчас особый интерес для лингвистов. Этот интерес связан с потребностями массовой коммуникации и межкультурного взаимодействия, с развитием психолингвистики, нейролингвистического программирования и теорией манипуляции сознанием. Все это определяет особое внимание к лингвистике текста с позиций функциональной стилистики, прагматики, теории дискурса и когнитивистики. По мнению К. А. Филиппова, ведущая роль в дальнейших работах принадлежит когнитивному подходу, так как именно он позволит исследовать текст, опираясь на его ситуативные и этнокультурные особенности. К. А. Филиппов выдвигает на первый план исследований сопоставительное изучение текстов, их общих черт и структурной, семантической и функциональной специфики [9, с. 292-300].

С другой стороны, являясь сложной многоуровневой системой, текст может быть исследован с позиций общей теории систем. Исследователями неоднократно отмечалось, что все элементы текста связаны структурой, обуславливающей характер их взаимодействия и воздействия на адресата. Системные характеристики различных типов текста, процессы кодирования разноуровневой информации, подтексты, механизмы декодирования и воздействия на слушателя до сих пор не до конца изучены и являются перспективными направлениями лингвистики текста.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Теория текста: уч. пособие. М.: Логос, 2003.
2. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
4. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М., 1978. Вып. 8. Лингвистика текста.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
6. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста: избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129-132.
7. Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие // Иностранные языки в школе. 1978. № 3.
8. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.
9. Филиппов К. А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 336 с.
10. Хэллидей М. А. К. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М., 1978. Вып. 8. Лингвистика текста.
11. Чаковская М. С. Текст как сообщение и как воздействие. М., 1986.

УДК 81-112.2

*Елена Николаевна Михайлова, Светлана Викторовна Колтунова
Белгородский государственный университет*

ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ В ГРАММАТИКЕ КРИСТОБАЛЯ ДЕ ВИЛЬЯЛОНА (1558)[©]

Эпоха Возрождения, по праву называемая переломным этапом в развитии европейской научной мысли, чрезвычайно интересна своими открытиями в области языкознания. Именно с этим временем связано рождение национальных лингвистических традиций в Италии, Испании, Португалии, Франции и других странах Европы. Долгое время принято было считать, что ранние описания так называемых «вульгарных языков» представляли собой «кальки» с латинских грамматик. Однако, как показывают исследования последних лет [2-5], осмысление нового языкового материала первыми европейскими грамматистами привело к значительной трансформации ряда основополагающих положений традиционной грамматики, взятой гуманистами за образец.

Наглядным примером преобразования исходной модели грамматического описания может служить категория падежа - важнейший атрибут греко-латинского канона, всесторонне и скрупулезно описанный во всех классических латинских грамматиках. Рассмотрим, каким образом осуществлялось описание данной категории в одной из ранних грамматик кастильского языка, написанной в середине XVI в. Кристобалем де Вильялоном.

Как сообщает Франсиско Ариас Солис, о жизни этого испанского ученого известно очень мало. Родился он в начале XVI в. (ок. 1505 г.) в испанском городе Алькала-де-Энарес, умер в Вальядолиде ок. 1581 г. В 1525 г. в родном городе он получил степень бакалавра, продолжил обучение на теологическом факультете университета в Вальядолиде, где в 1530 г. начал преподавать латинский язык. Через два года де Вильялон получил профессорское звание и продолжал преподавать в том же университете вплоть до 1545 г. Как отмечают его биографы, именно в это время он познакомился с Пересом де Олива и другими выдающимися гуманистами, оказавшими заметное влияние на его мировоззрение. Научное и литературное наследие де Вильялона представлено такими работами, как «Tragedia de Mirra» (1536), «Ingeniosa comparación entre lo antiguo y lo moderno» (1539), «Provechoso tratado de cambios y contrataciones de mercaderes y reprobación de usuras» (1541). Его перу принадлежат такие известные произведения, как «El Crotalón» (ок. 1552) и «El Viaje de Turquía» (ок. 1559) [7].

Особое место среди работ Кристобала де Вильялона занимает «Gramática castellana», опубликованная в Антверпене в 1558 г. Она представляет собой практическое пособие по кастильскому языку, предназначенное для иностранцев. Работа содержит правила, необходимые для того, чтобы правильно строить предложения и говорить на кастильском языке «без варваризмов», т.е. без ошибок.

Первый раздел этой грамматики посвящен описанию частей речи. Как показывает его анализ, в описании родного языка автор стремился придерживаться постулатов латинской грамматической традиции. Это стремление прослеживается достаточно зримо в описании такой части речи, как имя. Вот как представлено его определение в тексте этой грамматики: «Nombre, es una voz, o vocablo que finifica las cosas propria, o comunmete, y no finifica hazer, ni padecer en tiempo» (имя - это слово, которое конкретно или в общем обозначает вещи, а не действия, по временам не изменяется) [8]. Как видим, в определении имени де Вильялон следует грамматической традиции, восходящей к Аристотелю, для которого категория времени была отличительным признаком глагола, а ее отсутствие - отличительным признаком имени. В духе традиции дается и описание видов (maneras) имен: существительного (Substantiuo) и прилагательного (Adjetiuo).

Однако парадигма грамматики, созданная для языка флективного типа, каким была латынь, не вполне подходила для описания языка аналитического, каким к тому времени уже стал кастильский. Явные несоответствия между моделью, взятой за образец, и языковой реальностью, требовавшей отражения в грамматике, наиболее очевидно прослеживаются на глубинном уровне грамматического анализа - при описании грамматических категорий.

Одним из ярчайших примеров такого несоответствия является категория падежа, представленная пятью типами склонения в латинской именной системе и отсутствовавшая в системе кастильского языка рассматриваемого периода. Как отмечает М. М. Раевская, упразднение системы падежных окончаний в нем было обусловлено не только лежащими на поверхности фонетическими причинами, но и факторами функционального и системного порядка, преследующего известный принцип экономии изложения: при помощи определенного количества предлогов можно было составить словосочетание, не меняя структуру существительного [3, с. 70-71].

Прежде чем писать о склонении в кастильском языке, а точнее об отсутствии такового, де Вильялон напоминает о существовании в латинском языке пяти типов склонения. Он подчеркивает, что при склонении латинский язык использует систему падежных окончаний, то есть использует изменение окончаний в именах «para ordenar bien fus claufulas en fu hablar» (для связи слов в предложении и связи предложений в речи) [8]. В кастильском же языке, как пишет де Вильялон, склонение отсутствует, поскольку в нем изменение «последних букв» в именах не происходит. Как видим, автор грамматики дает объективную оценку языковому состоянию родного языка.

Иначе обстоит дело с категорией падежа. В тексте грамматики де Вильялон не пишет о том, что в кастильском языке нет падежей, хотя логично было бы предположить, что они должны были исчезнуть вместе с исчезновением склонения. Более того, он сохраняет для описания имен существительных падежную парадигму, внешне очень похожую на латинскую, однако обходит молчанием вопрос о наличии падежей для других именных классов слов, таких, например, как прилагательные и местоимения. Таким образом, падежная парадигма в его работе приобретает вид системы асимметричной, охватывающей не все имена, а лишь часть именного класса слов, что само по себе свидетельствует о трансформации традиционной модели, взятой за образец.

Приступая к описанию падежной парадигмы, де Вильялон напоминает о существовании в латинском языке шести падежей и дает краткую характеристику каждому. По его мнению, это объяснение необходимо для тех, кто никогда не изучал латыни. В его интерпретации назначение падежей сводится к следующему: номинатив используется, чтобы называть имя, генитив называет собственного вещи, датив - того, кому мы что-то даем, акузатив - то, что мы испытываем, вокатив - человека, к которому обращаемся, и аблатив - того, от кого мы что-то удаляем [Ibidem].

В своей грамматике де Вильялон стремится к сохранению в неизменном виде падежной парадигмы, имевшей место в латинской грамматике. Испанский ученый сохраняет не только традиционные названия падежей, но и их последовательность в парадигме склонения: *nominatiuo, genitiuo, datiuo, acusatiuo, vocatiuo, ablatiuo*.

В итоге в его грамматике падежная парадигма представлена следующим образом: «...la diferencia de los casos se muestra en la lengua castellana por diferencias de articulos...» (...разнообразие падежей в кастильском языке представлено разнообразием артиклей) [Ibidem]. И далее приводится перечень средств, образующих падежную парадигму: для генитива - *de*, для датива - *para*, для аккузатива - *a*, для вокатива - *o*, для аблатива - *a*. Нельзя не увидеть того, что под термином «артикуль» автор понимает формы, представляющие в кастильском языке эквиваленты латинским флексиям. В качестве таковых выступают предлоги (*de, para, a*), а также наречие *o* (для вокатива).

Обращает на себя внимание и особенность структурной организации падежной парадигмы в этой грамматике. Де Вильялон располагает падежи в один ряд, через запятую, сообщая этой системе вид перечисления. Примеры изменения слов по падежам он также дает в строчку. Вот как выглядит падежная парадигма в его грамматике: «En el nominatiuo dezimos en castellano, Pedro: y en el genitiuo, de Pedro: y en el datiuo, para Pedro: y en el accusativo, a Pedro: y en el vocatiuo, o Pedro: y en el ablatiuo dezimos: efdo quite a Pedro» [Ibidem].

Итак, анализ грамматики де Вильялона показал, что на кастильский язык ее автором была перенесена практически в неизменном виде падежная парадигма как один из атрибутов латинской грамматической традиции. При этом обращает на себя внимание то, что падежной парадигмой автор наделил только имя существительное, другие именные части речи (такие, как прилагательное и местоимение) падежной парадигмы в этой грамматике не имеют. Сохраняя внешние атрибуты латинской грамматики (название падежей, их последовательность в системе склонения), де Вильялон изменил эту парадигму исходя из языковой реальности, что дает основание говорить о существовании в кастильском языке этого периода уже оформившейся для данного класса слов аналитической системы. Испанский грамматист также обратил внимание на отсутствие флексий в именах, которые заменили служебные слова, называемые им «артиклями»: *de, para, a, o*, стоящие в препозиции к имени существительному. Наличие подобных средств указывает, с одной стороны, на аналитическую природу кастильского языка, а с другой, - на осознание автором грамматики этого явного отличия между латинским и кастильским языком, т.е. о достаточно зрелой лингвистической позиции одного из представителей Пиренейской грамматической традиции XVI века.

Список литературы

1. Живов В. М., Плотникова (Робинсон) В. А., Серебренников Б. А. Части речи // Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 578-579.
2. Михайлова Е. Н. Грамматическая традиция французского Возрождения: класс имен: дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2000. 291 с.
3. Раевская М. М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI-XVII вв.). М.: Комкнига, 2006. 304 с.
4. Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000. 504 с.
5. Auroux S. Histoire des idées linguistiques. Liège, 1992. Vol. 2. 408 p.
6. Nebrija Antonio de. Gramatica castellana [Electronic Resource]. URL : <http://www.antoniodenebrija.org/indice.html>
7. Solis F. A. Cristóbal de Villalón [Electronic Resource]. URL: http://foros.proverbia.net/topic.asp?TOPIC_ID=12482
8. Villalon Cristobal de. Gramatica castellana [Electronic Resource]. URL: <http://books.google.com/books?pg=PT9&id=Ud07AAAAcAAJ&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

УДК 811.161.1'34

Валерий Николаевич Мусатов
Орловский государственный университет

ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ АЛЛОМОРФЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]

В лингвистической литературе для обозначения минимальных значимых частей, кроме термина морфема, используется термин морф. Морф - это минимальная значимая часть, выделяемая в составе линейной языковой единицы - словоформы. Следовательно, морф - также линейная (синтагматическая) языковая единица, конкретный представитель морфемы в словоформе.

Морфема - это нелинейная (парадигматическая) единица языка, представляющая собой совокупность тождественных морфов. Морфема, употребляясь в определенной словоформе, выступает в конкретных значимых единицах - морфах. Различие между морфемой и морфом состоит в том, что морфема - это понятие родовое, она выделяется путем сопоставления всех ее морфов, а морф - это понятие видовое, он выделяется в конкретной словоформе.